

Вспомнив недавнюю вольность Сяо Чуня и то, как он до сих пор не желал разжимать пальцы, Гу Цзюэ произнес последнее:

— У меня чахотка, и наследный княжич наверняка знает об этом. Боюсь, эта зараза передается, так что княжичу лучше держаться от меня подальше.

Сяо Чунь, однако, так и не выпустил его руку. Гу Цзюэ уже почти растерялся, когда услышал его спокойный голос:

— Ты хочешь вырваться из этого места, что сковало твои чувства? Бросаешься в огонь, словно мотылек, и готов остаться рядом с ним, даже согласен на роль чужой замены... Неужели, вырвавшись из этого дворца, ты разлюбишь его, перестанешь думать о нем, забудешь его?

Сердце Гу Цзюэ дрогнуло. Он не смел вникать в смысл слов Сяо Чуня:

— Какое тебе до этого дело?

Сяо Чунь насмешливо фыркнул, и в его тоне прозвучало изрядное презрение:

— Признайся. Пускай даже ты порываешься покончить с собой, в глубине души ты все равно не можешь его отпустить. В конце концов, ты еще можешь смириться с собственной смертью, но вынести мысль о том, что тот, кому ты отдал сердце, в итоге останется абсолютно глух к твоей участи, ты не в силах, верно? Вот почему ты предпочтешь уйти из жизни сам, лишь бы не увидеть на его лице отвращения, когда он узнает о твоём тяжелом недуге. Я прав?

Самая сокровенная мысль, таящаяся на дне души, была внезапно обнажена посторонним. Сердце Гу Цзюэ заколотилось с бешеной силой, и его снова скрутил приступ кашля. От каждого сотрясения тело прошибала мелкая дрожь, ноги ослабли, и он невольно всем корпусом прижался к груди стоявшего перед ним мужчины. Как ни старался он оттолкнуть Сяо Чуня, тот лишь крепче сжимал объятия.

Этот Сяо Чунь с первой же встречи раскусил причину его безрассудного порыва наложить на себя руки, а теперь обнажил и те тайные уголки души, в которых Гу Цзюэ боялся признаться даже самому себе. Подобная пронизательность просто пугала.

Кончик языка у Гу Цзюэ едва заметно подрагивал.

Узнав, что ему отведено жить всего полгода, он больше всего боялся не суметь выбраться из дворца и не повидаться с родными. Но когда он взмолился о пощаде к Сяо Юю, а тот отказался отпустить его на волю, все те странные, пестрые сны, что снились ему прежде, с пугающей ясностью встали перед глазами.

Пусть он и опустил руки, пусть уже смирился с горькой правдой о том, что Сяо Юй никогда не полюбит его и не ответит на его чувства, он все равно не вынес бы главного: узнай Сяо Юй о его скорой кончине, он бы отнесся к нему как к совершенно чужому человеку. Сяо Юй был его внутренним демоном, его роком!

Нельзя отрицать: в сердце мелькала мысль о том, что если в самом конце жизни ему суждено испытать лишь презрение или холодное равнодушие Сяо Юя, то при обреченности на скорую гибель он предпочтет оборвать собственную жизнь своими руками.

И тут Сяо Чунь разжал руки. Гу Цзюэ потерял равновесие и рухнул назад. Позади как раз стоял ствол османтуса; спина Гу Цзюэ глухо ударилась о кору, а ноги окончательно подкосились, и он осел прямо на землю. Боль между ног заставила холодный пот градом выступить у него на лбу. Крепко сжав зубы, он ощутил во рту солоновато-медный привкус крови.

Сяо Чунь прищурился, глядя на побледневшее лицо Гу Цзюэ:

— Не говори, что я бесчувственен. Раз у тебя еще остались к нему чувства, мне твоё тело ни к чему. У меня есть другое условие: выполнишь его — и я помогу тебе покинуть дворец. Молодой господин Гу, на сей раз тебе стоит лучше ухватиться за эту возможность.

С этими словами он достал из рукава фарфоровый пузырек:

— Через пять дней во дворецких покоях пройдет Праздник ста цветов. Я хочу, чтобы ты незаметно для всех подсыпал это в чарку с вином наложницы Ли.

Гу Цзюэ не верил своим ушам. Столь резкая перемена в тоне Сяо Чуня заставила его смутно догадываться, что тот изначально и не помышлял о его теле — он лишь проверял его реакцию, прикрываясь грязными домогательствами.

Гу Цзюэ не знал, верна ли его догадка, но от одного взгляда на фарфоровый пузырек по спине пробежал ледяной мороз:

— Что это?

Тон Сяо Чуня оставался донельзя непринужденным, и в нем не было ни капли страха перед покушением на жизнь высочайшего потомства:

— Не беспокойся, всего лишь средство для выкидыша. Кое-кто при дворе не желает появления на свет ребенка наложницы Ли и попросил меня избавиться от него. Сам посудите: угощения на Празднике ста цветов проходят через бесчисленные проверки, и устроить диверсию снаружи практически невозможно. Внутри залы действовать куда сложнее, но ведь молодой господин Гу способен на это, верно? До меня доходили слухи, что молодой господин Гу — непревзойденный мастер стрельбы из лука.

Белый нефритовый юноша из клана Гу мог поразить цель со ста шагов, пронзив ивовый лист насквозь. Его мастерство владения луком поистине изумляло воображение.

С умениями Гу Цзюэ стоило лишь пожелать — и он мог бы метнуть это лекарство пальцами, словно стрелу, прямо в кубок, из которого предстояло испытать наложнице Ли. В шуме музыки и праздничной суете Праздника ста цветов никто бы и не заметил, как в крошечный бокал упала

таблетка, растворяющаяся в вине от малейшего соприкосновения с влагой.

Взгляд Гу Цзюэ упал на фарфоровый пузырек, и разум даже не успел отреагировать, как сорвалось с языка:

— Я не буду...

— Отказываешься? Снова? Ради человека, который тебя любит, и его ребенка с другой женщиной ты готов отказаться от свободы, которая сама плывет тебе в руки? — Не дослушав, Сяо Чунь перебил его: — Молодой господин Гу, если не ты, я, разумеется, найду кого-нибудь другого. Этому плоду в чреве наложницы Ли все равно не суждено уцелеть. Мне плевать, кто выполнит грязную работу, мне нужен лишь результат. Но для тебя, молодой господин Гу, все обстоит иначе.

Он понизил голос:

— В конце концов, стоит тебе сделать это — и я дарю тебе свободу.

Гу Цзюэ воочию наблюдал, как тот покачивал перед ним пузырьком, нашептывая слова соблазна:

— Подумай только: достаточно совершить один поступок, стоит лишь убить еще не родившегося младенца, которому и так суждено умереть, — и ты обрешь свободу...

Стоит лишь убить еще не родившегося младенца, которому и так суждено умереть, — и ты обрешь свободу...

Пальцы Гу Цзюэ задрожали. На миг им овладели сомнения, но Сяо Чунь тут же разжал пальцы, и флакончик упал прямо ему на ладонь.

У Гу Цзюэ по коже мгновенно побежали мурашки. Он отчаянно захотел выбросить эту склянку, но Сяо Чунь перехватил его руку, сжимающую фарфор, и с легкой улыбкой произвел:

— Шанс выпадет лишь раз, молодой господин Гу.

С этими словами Сяо Чунь выпрямился. Заведя руки за спину, он отступил назад, и зрачки Гу Цзюэ сузились.

На мгновение ему показалось, что фигура этого человека в точности повторяет силуэт Сяо Юя после учиненного над ним унижения, а в голосе звучит та же леденящая душу отчужденность:

— Случится выкидыш у наложницы Ли — я отправлю тебя за ворота дворца. Жду хороших новостей.

Развернувшись, он зашагал прочь, и вскоре его силуэт полностью скрылся из виду.

Легкий осенний ветерок коснулся щеки Гу Цзюэ. Он сидел под деревом османтуса, покачивающиеся ветки роняли на землю желтые соцветия, и те застревали в его волосах, придавая ему хрупкий, изящный и почти трогательный вид.

Долгое время он смотрел на зажатый в ладони фарфоровый пузырек, не испытывая ни скорби, ни радости:

— Недавно ты еще называл меня жестокосердным, подозревая, что я замышляю погубить твое потомство, а теперь кто-то и впрямь толкает меня на этот шаг.

Поистине, пути мира неисповедимы.

Смешно сказать: пока те мысли таились в сердце, не высказанные вслух, они давили неподъемным валунцом, лишая дыхания. Но стоило Сяо Чуню вывернуть все наизнанку, как теперь, оглядываясь назад, он понимал: его недавний порыв уйти из жизни был донельзя жалок и ничтожен.

Его любовь к Сяо Юю и роль живой тени Гу Ляньюэ уже и так опустили его на самое дно унижения, и едва не дошло до того, что даже смерть он собирался встретить столь же жалко.

Быть может, все предрешил еще тот день, когда он, прощаясь с убитыми горем родными, произнес прощальные слова. Это была его собственная прихоть, и платить по счетам придется тоже ему. А что до Сяо Юя... после столь скверного расставания они, боюсь, больше не свидятся до самой смерти. Праздник ста цветов настанет через пять дней, но он, разумеется, никуда не поймет и палец о палец не ударит ради этого дела. Будь что будет! Пусть все идет своим чередом. Раз не удастся вырваться на волю, то и бежать от реальности путем самоубийства больше не хочется. Он просто станет ждать конца.

Гу Цзюэ подумал: он смирился.

Эту жизнь он принимает как есть!

В этот момент вдали послышался лязг доспехов.

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар: — Неужели патруль Императорской гвардии?!

Нельзя допустить, чтобы его застали здесь!

Крадучись по тому же пути, которым пришел, он благополучно вернулся во Дворец Чжаоян. Оставленный Сяо Чунем флакончик он опустошил, вылив снадобье прямо на обочину дороги — растворившись в земле, оно не оставит и следа, а саму фарфоровую склянку он выбросил в другом месте.

И без того больной, израненный организм, заставивший себя вынести вылазку за пределы дворца и обратный путь, теперь напомнил о себе голодом.

Сначала он ничего не замечал, и когда пик голода прошел, в животе наступила пустота. Но стоило этому чувству перевалить за край, как в желудке заныло, а к горлу подступил жар начавшегося жара.

Как ни крути, голодать было невыносимо, и Гу Цзюэ решил сперва хоть немного поесть.

Вообще-то евнухи приносили ему еду строго по часам, правда, внутрь покоев ее не доставляли. Прикрываясь тем, что он находится под домашним арестом и ему не положено видаться с посторонними, те евнухи неизменно оставляли ужин у порога. Забирать плошки ему приходилось самому, и никого не волновало, притронется ли он к пище. Разумеется, о каких-либо изысках речи не шло.

Припасы доставили в деревянном коробе. Затащив его внутрь и откинув крышку, он обнаружил сегодняшнюю стряпню: еда давно остыла, зелень потемнела, а на поверхности похлебки застыла жирная корка. Грудь Гу Цзюэ снова замутило. Отодвинув суп подальше — даже мысли не возникало прикасаться к нему — он взял миску с рисом и принялся медленно пережевывать потемневшие листья овощей.

К подобной пище он давно привык.

После трапезы жар не спал. Напротив, Гу Цзюэ чувствовал, как каждое движение груди отзывается обжигающим пламенем. Лекарь навещал его раз в месяц, и раз этот визит уже состоялся, повторного ждать не стоило. Гу Цзюэ подумал, что его тело и так дошло до ручки, так что церемониться с ним больше не было смысла. Повалившись прямо в постель и ощущая знойный огонь в дыхании, изредка прерываемый глухим кашлем, он постепенно провалился в тяжелый сон.

Когда он открыл глаза, ночь уже вошла в свои права. Нашупав силы подняться, Гу Цзюэ зажег свечу. Не успел огонек разгореться, как снаружи раздался пронзительный окрик евнуха:

— Прибыл император!

Рука Гу Цзюэ дрогнула, только что зажженная свеча опрокинулась, и комнату снова поглотила непроглядная тьма. В тот же самый момент дверь распахнулась наружу.

Шедшие впереди слуги со свитой подняли дворцовые фонари, ярко осветив помещение. Оставив светильники внутри, евнухи гуськом попятились наружу. Растерянность на лице Гу Цзюэ не успела смениться маской спокойствия и предстала прямо перед глазами Сяо Юя.

Взглянув на упавшую свечу возле руки Гу Цзюэ, Сяо Юй помрачнел хуже тучи.

Стоило Гу Цзюэ заметить выражение его лица, как он невольно отступил на шаг. Насупленный, темный взгляд императора... К чему это? С чего бы ему являться посреди ночи? Они ведь расстались из рук вон плохо, и Гу Цзюэ был уверен, что тот больше не вернется. Неужели до него дошли слухи о тайной вылазке?

Сердце Гу Цзюэ отчаянно заколотилось, но тут раздался голос Сяо Юя:

— Проведя во дворце три года, ничему путному не научился, зато перенял все бабские штучки!

У Гу Цзюэ перехватило дыхание. Это он о нем?

Проследив за взглядом императора, упавшим на опрокинутую свечу, и вспомнив собственное поведение, он понял: нет, тот не узнал о его отлучке.

Он попросту решил, что он намеренно разыгрывает перед ним спектакль! Неужели тот до сих пор думает, что он станет играть с ним в игры набивания цены через отталкивание?

В горле у Гу Цзюэ запершило от горечи, но спорить не осталось сил, и он просто застыл на месте.

В ярком свете фонарей его силуэт казался еще более хрупким и точеным.

Сяо Юй глядел на его опущенный взгляд, на его показную почтичность, обвиняя в том, что он подцепил уловки дворцовых наложниц — даже стоит теперь точно так же. Сдержанное ранее раздражение вновь вырвалось наружу:

— Раз уж тебе так прельщает роль женщины, то на Празднике ста цветов через пять дней я велю тебе нарядиться в женское платье — так будет лучше всего! Ван Хай!

Глаза Гу Цзюэ округлились. Не успел он и рта открыть, как в комнату уже протиснулся Ван Хай, а в ушах зазвучали слова Сяо Юя:

— Отыщи наряд дворцовой служанки!

Гу Цзюэ не верил своим ушам. Тот собирается отправить его на Праздник ста цветов в таком виде, желая публично растоптать и опозорить?! Пускай он его наложник по воле господина, но он — мужчина из благородного рода!

Сжав губы так, что побелели костяшки зубов, Гу Цзюэ выдавил из себя три слова:

— Я не надену!

Увидев упрямство и стиснутые зубы Гу Цзюэ — а этот молодой господин всегда отличался несговорчивостью, прямо как в былые времена, — Сяо Юй холодно бросил:

— Что, стоило приказать надеть платье служанки, как вся твоя покорность куда-то испарилась? И где же теперь та наигранная кротость?

Глядя на стоявшего перед ним Сяо Юя, Гу Цзюэ чувствовал, как тот становится для него чужаком. Прежде тот никогда бы не опустился до подобного: не нравился он ему — он просто не приходил, совершал оплошность — тот наказывал, но не доходил до нынешнего скотства, когда унижают не только словом, но и калечат самую суть!

Проглотив подступающую к горлу желчь, Гу Цзюэ глухо произнес:

— Я знаю, Вашему Величеству претит видеть меня прежнего. Но облачаться в одежды служанки... это будет выглядеть нелепо.

Взгляд Сяо Юя оставался свинцово-тяжелым:

— Нелепо? А войти во дворец с мужским телом — это, по-твоему, соответствует всем устоям?

Гу Цзюэ содрогнулся всем телом.

И впрямь. Войдя во дворец мужчиной, он уже поправил извечные устои.

Так какая разница, нарядиться ли теперь в женское платье? Просто еще одна нелепость в череде остальных.

Подумав об этом, Гу Цзюэ горько усмехнулся.

Он устал доказывать свою правоту ради собственного душевного спокойствия. Будь по-его.

Он больше не будет спорить.

Заметив, что Гу Цзюэ приоткрыл рот, но тут же вновь опустил голову, потеряв весь свой недавний упрямый вид, Сяо Юй метнул свирепый взгляд на застывшего в дверях Ван Хая:

— Ты что, оглох?!

Ван Хай вздрогнул и стремглав бросился вон.

Вскоре перед Гу Цзюэ опустился готовый наряд дворцовой служанки.

Глядя на это платье, Гу Цзюэ испытал целую бурю противоречивых чувств. Его истощенное лихорадкой и без того обессиленное тело вмиг словно налилось свинцом — даже дышать стало тяжело. Он тихо вымолвил:

— Неужели ты меня... ненавидишь?

Прежде Гу Цзюэ и в мыслях не допускал подобного. Они с Сяо Юем сошлись в Синине, и поначалу он даже понятия не имел о его высоком происхождении. Их знакомство началось со взаимной радости общения, и если бы не та искренняя привязанность, он ни за что не увяз бы в этом омуте. Ему всегда казалось, что Сяо Юй просто не может до конца принять связь с мужчиной, оттого и держит его на расстоянии, а излишняя строгость продиктована тем, что во дворец он попал в мужском обличье.

Теперь же пришлось признать: никакой особой строгостью здесь и не пахло. К нему относились с чрезмерной, удушающей жестокостью.

Услышав этот вопрос, Сяо Юй нахмурился и холодно бросил:

— У меня нет времени на ненависть к тебе.

Указательный палец Гу Цзюэ в складках рукава чуть подогнулся:

— Раз нет ненависти, значит, испытываешь ко мне жгучее отвращение?

Сяо Юй в упор посмотрел на него.

Гу Цзюэ говорил едва слышным, ровным тоном, на его лице не отражалось никаких эмоций — точно так же, как секунду назад он спрашивал о ненависти, а теперь рассуждал о брезгливости. Холодно, бездушно, словно ожившая кукла.

Он даже не допытывался — казалось, ответ давно сложился в его голове, и ему не нужен был отклик Сяо Юя, он просто озвучивал то, что вертелось на языке.

Сквозь зубы Сяо Юй процедил:

— Ну и пусть отвращение! Разве я не должен тебя ненавидеть?

Гу Цзюэ провел с ним столько времени, но открытые слова о брезгливости услышал впервые.

Пускай в глубине души он и догадывался о таком отношении, но все же не выдержал и сорвался:

— Если я так противен тебе, зачем тогда согласился пустить меня во дворец?

Пусть даже он сам набивался в постель императора, но тот — государь! Без его соизволения разве ступил бы он за дворцовые ворота?!

В глазах Сяо Юя мелькнула искра, и в словах проступила ядовитая злость, которой он сам от себя не ожидал:

— Потому что мне хотелось посмотреть, до какого бесстыдства ты способен опуститься!

У Гу Цзюэ перехватило дыхание. На секунду ему показалось, что он видит Сяо Юя впервые в жизни. Он смотрел на него так, словно перед ним стоял абсолютно чужой человек:

— Что ты сказал?

Лицо Сяо Юя казалось неправдоподобно ледяным:

— Потому что Ляньюэ отправилась молиться в горы из-за тебя! А потом попала под обвал, и ее тело даже не смогли найти! Если бы не ты! С чего бы ей в такую пору идти в горы?!

Гибель Гу Ляньюэ всегда оставалась запретной темой между ними. Хотя Сяо Юй неизменно являлся в день ее памяти, о причинах смерти они не упоминали никогда. Гу Цзюэ знал лишь то, что Гу Ляньюэ застала ливень во время паломничества, после чего случился огорный обвал, унесший ее жизнь. Ее искали семь дней, но так и не нашли тела. Кто бы мог подумать, что она поднималась в горы ради него с молитвой о благополучии?

Гу Цзюэ не верил своим ушам:

— С какой стати ей молиться за меня? Она бы ни за что в жизни не стала этого делать!

Не успел он договорить, как раздался громкий шлепок. Левую щеку Гу Цзюэ обожгло ударом такой силы, что в ушах немедленно зазвенело, из уголка рта тут же сочилась струйка крови, а от толчка его отбросило в сторону. Едва удержавшись на ногах благодаря столу, он сквозь боль повторил:

— Она не стала бы молиться за меня в горах! Мы с ней всегда были в плохих отношениях!

Верно, отношения Гу Цзюэ и Гу Ляньюэ никогда не ладились. Все потому, что Гу Цзюэ был законнорожденным старшим господином клана Гу, в то время как Гу Ляньюэ — всего лишь бастардом!

Многие годы брак его отца и матери оставался образцом нежности, но на сердце у них всегда занозой сидела история с матерью Гу Ляньюэ. После свадьбы супруги жили душа в душу, у господина Гу не было наложниц — лишь законная жена. Первенцем родился сын, следом появилась дочь. В Синине госпожа Гу слыла предметом зависти для всех знатных дам. Но когда дочери исполнилось шесть лет, стряслась беда. В тот день господин Гу пьянствовал с гостями вне дома, и неведомо как сошелся с певицей. Узнав об этом, он даже не стал приводить ту женщину в усадьбу — лишь откупился серебром и выслал вон из Байюйцзина.

Поначалу об этом никто не ведал. Вскоре у господина Гу и его жены родился третий сын — второй молодой господин Гу Цзюэ. Однако не прошло и года после десятилетия Гу Цзюэ, как

на пороге объявилась Гу Ляньюэ.

Она явилась в траурных одеждах, с лицом, разительно похожим на лица законных детей клана Гу, объявила себя дочерью главы семейства и выложила всю историю прошлых лет начистоту. Выслушав ее, господин Гу нахмурился и признал безродную сироту, а побледневшая госпожа Гу приняла ее поклон почтения к законной матери. С той поры между некогда любящими супругами пролегло недоверие, и прежняя искренность ушла безвозвратно — в сердце госпожи Гу поселилась трещина.

К моменту появления Гу Ляньюэ Гу Цзюэ уже был достаточно взрослым, чтобы понимать: именно она разрушила мир в их семье. Разве мог он ее любить?

Он никогда не баловал ее добрым словом, да и Гу Ляньюэ не питала к нему нежных чувств. И вдруг — она отправилась в горы молиться о его здравии?

Какой же это бред!

Глядя на застывшего Гу Цзюэ, Сяо Юй поймал в своих глазах отблеск убийственного холода:

— Ты не считал ее сестрой, но она в глубине души дорожила тобой как младшим братом. Беседуя со мной, она вечно заводила речь о тебе. Если бы не ее трепетное отношение к тебе, разве стал бы я с тобой сближаться?

Лицо Гу Цзюэ превратилось в мел, губы задрожали:

— Вы сошлись со мной... лишь потому, что Гу Ляньюэ то и дело вспоминала меня?

Сяо Юй горько усмехнулся:

— Что? Гу Цзюэ, неужели ты всерьез воображал, будто я удостоил тебя дружбы по какой-то иной причине, кроме как из-за того, что ты — братец Ляньюэ?

Гу Цзюэ полагал, что после всех унижений и насилия, после того как он окончательно похоронил надежду на ответные чувства Сяо Юя, он стерпит любые слова. Переживая боль как должное, он уже смирился с перспективой доживать свой век в ожидании смерти в этих стенах и даже не стал спорить насчет женского платья. Но стоило Сяо Юю бросить всего несколько фраз, как его мнимое спокойствие рухнуло, а сердце пронзила невыносимая, разрывающая грудь боль!

<http://bllate.org/book/21167/2144643>